

Элен Славина

Хозяйка
пекарни,

ИЛИ ПРИНЦАМ ТУТ НЕ МЕСТО

Элен Славина

**Хозяйка пекарни, или
принцам тут не место**

«Литнет»

2025

Славина Э.

Хозяйка пекарни, или принцам тут не место / Э. Славина —
«Литнет», 2025

Мой обычный день: испекла круассаны, сбежала от бывшего, упала в другой мир, вляпалась в заговор. Стандартный вторник. Теперь я – главная подозреваемая в заговоре против самого Принца Теней. Он смотрит на меня так, будто я могу убить взглядом. Дорогой, я даже тесто не могу замесить без происшествий! Но раз уж я здесь, придётся импровизировать. Говорят, путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Посмотрим, сработает ли это с сердцем надменного принца, за которым охотятся убийцы. Готов к дегустации?♥#
Магия и булочки, много булочек ♥# Любовь с препятствиями, куда без них!
♥# Верные друзья и неугомонные враги ♥# Ну и конечно же ХЭ!

© Славина Э., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Провал в муку и в чужие тайны	5
Глава 2. Пленник Принца Теней	7
Глава 3. Игра в правду, которую невозможно произнести	9
Визуализация ♥#	11
Глава 4. Чужая реальность	12
Глава 5. Каменные объятия	15
Глава 6. Пекарня в заточении	17
Глава 7. Вкус дома в мире чуде	19
Глава 8. Сделка с Принцем Теней	21
Глава 9. «Золотая закваска»	23
Глава 10. Первые ростки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1. Провал в муку и в чужие тайны

– Элис, открой дверь! Я знаю, что ты там! – рёв Павла прорвался сквозь толстую деревянную дверь, сопровождаемый оглушительными ударами, от которых задрожала медная табличка с вывеской «Пекарня "Уют"».

Моё сердце заколотилось где-то в горле, бешено и беспомощно, выстукивая сумасшедший ритм. Я отшатнулась от входа, как ошпаренная, прижимая ладони к ушам, но это не помогло. Дверь, старинная, дубовая, содрогалась на тяжёлом железном засове, и мне казалось, что я слышу, как по её толщине побежали трещинки.

– Уходи, Паш! – крикнула я, и голос мой сорвался на визгливый, беззвучный выдох. – Я... я вызову полицию!

Слова повисли в пустом, пропахшем дрожжами и тмином пространстве пекарни. Было всего семь утра. Солнечные лучи ещё только золотили пылинки в воздухе. Ни покупателей, жаждущих свежих круассанов, ни соседей – никого, кто мог бы помочь. Только я, мои булки, остывающие на решётках, и этот безумец за дверью.

Год.

Целый год прошёл с тех пор, как я выставила его потрёпанный чемодан на грязную лестничную клетку. А он всё не унимался. Его «любовь» была похожа на цемент – она застывала вокруг меня, не давая дышать, медленно, но верно погребая заживо. Я десятки раз набирала номер участка, ладонь липла к холодному пластику телефона, но, слыша его притворно-ласковый голос в трубке: – «Эличка, ну давай поговорим по-хорошему» – шёпотом отменяла вызов. Я боялась его мести. Боялась, что «по-хорошему» превратится в синяк под глазом или вывернутую руку.

– Если ты не откроешь, я выломаю дверь! – его голос прозвучал уже совсем близко, густой и влажный, будто он прильнул губами к замочной скважине.

Ледяная волна страха подкатила к горлу, сжимая его тисками. Он сделает это. Он не блефует. В памяти всплыли вывернутый ящик стола, рассыпанные ложки, сорванная с петель дверь в ванной, его перекошенное яростью лицо с расширенными зрачками.

Мне нужно бежать. Сейчас же.

Я развернулась и бросилась вглубь пекарни, в подсобку, заваленную холщовыми мешками с мукой, от которых стояла лёгкая мучная дымка. Ноги заплетались о разбросанные ящики, в глазах стояли предательские, солёные слёзы. Там в самом углу, за батареей глиняных горшков с закваской, был люк в подвал. Старый, из грубых досок, почти не использовавшийся, края его были испещрены паутиной, в которой застыли пыльные жемчужины росы. Я никогда не спускалась туда – боялась скрипа половиц и темноты. Но сейчас это был единственный путь.

С грохотом, который заглушил очередной удар в дверь, я откинула тяжелую, запылённую крышку. Из чёрного квадрата пахло ледяной сыростью, грибком и чём-то ещё... сладковатым, пряным и абсолютно незнакомым, будто из чужого мира. Не было времени думать.

– ЭЛИС!

Я услышала, как снаружи что-то треснуло с сухим, как кость, звуком. Засов не выдержит ещё пары ударов.

Не раздумывая, я шагнула в колючую темноту, нащупав ногой скрипучую, неровную деревянную ступеньку. И в тот же миг моя нога поскользнулась на чём-то сыпучем, рассыпчатом. Я вскрикнула, потеряв равновесие, и полетела вниз, кубарем, ударяясь о крутые и жесткие ступени рёбрами, коленями, локтями. Мир превратился в карусель из боли, давящей темноты и ослепляющих звёздочек в глазах.

Падение прекратилось так же внезапно, как и началось.

Я рухнула во что-то мягкое, глубокое и невероятно пыльное, с глухим, упругим «пуфф». Белая, густая, как молочный туман, взвесь поднялась вокруг меня, забивая нос, рот горьковатой пылью, слепя глаза.

Я захлебнулась, закашлялась, пытаюсь выплюнуть мучную пасту, ощущая, как мелкие частицы скрипят на зубах. Это была мука. Целая гора муки, мелкого помола, в которую я провалилась, как в снежный сугроб, и которая теперь окутала меня холодным, сыпучим саваном.

Лежа на спине, я отчаянно пыталась отдышаться, сердце колотилось, выпрыгивая из груди, отдаваясь в ушах глухим стуком.

Где я? Что это за склад?

Как я... Вокруг царил полумрак, и воздух был тяжёлым и неподвижным.

Мысли оборвались, когда до меня донеслись звуки. Они доносились откуда-то сверху, из того помещения, куда я упала. Шаги. Тяжёлые, мерные, звонкие - не по дереву, а по отполированному камню, и звенели они железом подков. И голоса. Мужские.

Я замерла, вжавшись в свою мучную могилу, инстинктивно стараясь дышать тише, чувствуя, как мука прилипает к вспотевшей коже. Медленно, преодолевая пронзительную боль в боку, я перекатилась на живот и отползла под нависающий деревянный настил, превратившийся в укрытие. Сквозь щели в досках пробивался тусклый свет.

– ...абсолютно уверен, моя рука не дрогнет, - говорил один голос, низкий и нарочито спокойный, с лёгкой хрипотцой.

– Не сомневаюсь. План безупречен. На охоте, в суматохе... несчастный случай, - ответил второй, с противной, слащавой интонацией, будто он говорил, смакуя каждый слог. – Принц Каэлан слишком много о себе возомнил. Вмешивается не в свои дела. Король будет безутешен, потеряв любимого сына.

Принц? Король? Что за бред?

Я прикрыла рот ладонью, чтобы не издать ни звука, чувствуя, как дрожат пальцы. Сквозь щели в настиле я увидела две пары дорогих, до блеска начищенных кожаных сапог, от которых пахло дорогим маслом и конюшней. Они прохаживались по каменным плитам всего в нескольких метрах от меня.

– Охота на оленя начинается на рассвете послезавтра. Будь готов. Никаких свидетелей, - произнёс первый, и в его голосе прозвучала сталь.

– Его Светлость не доживёт до полудня. Можете быть уверены, - слащавый голос стал ещё медовее, отчего по спине пробежали мурашки.

Шаги стали удаляться, их эхо затихло где-то вдалеке, растворившись в гулкой тишине подвала. А я так и сидела, зарывшись в муку, не в силах пошевелиться, пытаюсь осознать, что только что услышала. Воздух, пахнувший пылью, чужим деревом и холодным камнем, казался мне густым и враждебным.

Кто-то собирается убить принца.

А я, Элис Орлова, обычная пекарша с задворок Москвы, оказалась единственной свидетельницей заговора. И я даже не знала, где нахожусь.

Глава 2. Пленник Принца Теней

Шаги заговорщиков окончательно затихли, слившись с тихим скрипом – звуком потайной двери, которую я не видела. Я осталась одна в гробовой тишине, нарушаемой лишь прерывистым стуком моего сердца. Тяжелый, сладковатый воздух смешивался с запахом моей паники.

– Двигаться, Элис, двигаться! - приказала я себе, заставляя онемевшие конечности повиноваться.

Я выбралась из-под настила, с трудом поднялась, отряхивая с одежды комья муки. Они осыпались на каменный пол с едва слышным шуршанием, казавшимся в этой тишине оглушительным. В полумраке я разглядела высокие стеллажи, заставленные бочонками, мешками и странными склянками. Это была огромная кладовая. В дальнем конце угадывался контур обычной массивной двери. Спасение.

Я сделала первый шаг, потом второй, цепляясь за полки для опоры. И в тот самый миг, когда моя рука легла на холодное дерево очередной стойки, снаружи за главной дверью, раздался новый голос. Громкие, четкие, полные власти.

– Осмотреть каждый угол. Я хочу знать, что здесь хранится, - прозвучал новый голос. Он был низким, обволакивающим и холодным, как лезвие ножа, приложенное к горлу.

Я застыла, сердце ушло в пятки. Прятаться? Бежать? Но куда?

Дверь распахнулась, и в кладовую ворвался поток свежего воздуха и факельного света. Я зажмурилась от внезапной яркости, а когда смогла разглядеть фигуры в дверном проеме, во мне все похолодело.

Впереди всех стоял ОН.

Высокий, в черном, идеально сидящем камзоле, отороченном серебром. Темные волосы, собранные у затылка, открывали строгие, безупречные черты лица. Но не это заставило меня замереть.

А его глаза. Серые, как зимнее небо перед бурей, они скользнули по помещению с безразличной холодностью, пока не остановились на мне.

В них не было ни удивления, ни гнева. Лишь ледяное, бездонное спокойствие.

Я отшатнулась, споткнулась о край того самого злополучного мешка с мукой и с глухим стуком рухнула на пол, подняв новое облако белой пыли.

В следующее мгновение меня грубо подхватили под руки. Двое стражников в латах, украшенных тем же символом, что и на пряжке плаща незнакомца, вцепились в меня мертвой хваткой.

– Нашли, ваша Светлость, - один из них бросил на меня беглый взгляд, полный презрения. - Похоже,мышь.

«Ваша Светлость».

Значит, принц. Тот самый Каэлан, о котором говорили незнакомцы. Точнее - убийцы.

Я попыталась вырваться, но железные пальцы лишь сильнее впились в мои руки.

– Отпустите! Я ничего не сделала! Я просто... упала!

Принц медленно приблизился.

Его взгляд скользнул по моей заляпанной мукой домашней футболке, спортивным штанам, по моему перекошенному от ужаса лицу. Он казался существом с другой планеты – таким был разрыв между нами.

– Упала, - повторил он мое слово, и в его устах оно прозвучало как самая нелепая ложь. Его голос был тихим, но каждый слог врезался в сознание. – Прямо в мою личную кладовую. Через запертую дверь. Очень любопытное падение.

– Я не знаю, как я здесь оказалась. Честно. Меня преследовали, я упала в подвал и...

– И очнулась здесь, – он закончил за меня, подняв руку, чтобы я замолчала. В его глазах вспыхнула искра чего-то опасного – не гнева, а скорее... интереса хищника, нашедшего диковинную добычу. – Отведите её в мои покои. В Глухую Комнату. Я допрошу её сам.

Меня потащили прочь.

Я брыкалась, пыталась кричать, объяснять, но мои слова разбивались о каменные лица стражников. Я успела увидеть, как принц повернулся к своему капитану.

– Обыскать кладовую. Мне нужен отчёт о каждой пропавшей крупице. И проверь потайной ход. Возможно, она была не одна.

Меня вытащили из кладовой и повели через бесконечные коридоры, которые поражали воображение. Высокие сводчатые потолки, гобелены, портреты предков в золоченых рамах создавали ощущение величия и древности.

Но я не видела красоты. Я видела лишь тюрьму.

Вскоре меня втокнули в небольшую комнату без окон. Единственным источником света был одинокий факел в железном держателе на стене. В центре стоял простой деревянный стол и два стула. Дверь захлопнулась, щёлкнул тяжелый замок.

Я осталась одна.

В полной тишине, нарушаемой лишь треском факела. Я обхватила себя руками, пытаюсь согреться, но дрожь шла изнутри.

Принц Каэлан. Заговор. Убийство. Это был дурной сон.

Прошла вечность, а может, всего несколько минут. Дверь открылась беззвучно. Вошёл он.

Он снял плащ, остался в черном камзоле, и в тесном пространстве комнаты его присутствие стало почти физически давящим. Он сел напротив меня, положив длинные пальцы на стол.

– Итак, - его голос был тише, чем в кладовой, но от этого казался страшнее. - Начнём с самого простого. Кто ты? И кто тебя послал?

– Меня зовут Элис Орлова, - прошептала я, чувствуя, как предательски дрожит голос. - Я пекарь. Из Москвы. Никто меня не посылал.

Он наклонился чуть ближе, и свет факела выхватил холодную ярость в его глазах.

– Не трать моё время на выдумки. Ты говоришь на нашем языке, но твоя одежда, твои манеры... Ты как будто с горы свалилась. Или из вражеского королевства, что подготовило тебя получше. Кто твой хозяин? Лорд Мардук? Или, может, клан Ренар?

– Я не знаю этих имён! - голос мой сорвался. Слезы, которые я сдерживала, наконец хлынули по щекам, оставляя белые полосы на засохшей муке. - Я упала сюда. Через подвал моей пекарни! Я просто бежала от своего бывшего, он хотел выломать дверь... Я упала в муку и оказалась здесь.

Он слушал, не двигаясь, его лицо оставалось каменной маской. Но в глубине тех ледяных глаз я увидела недоверие, смешанное с раздражением. Для него моя правда была хуже и нелепее любой лжи.

– Очень трогательная история, - произнёс он наконец, откинувшись на спинку стула. - Беглая невеста, спасающаяся в муке. Жаль, что я не верю в сказки. У тебя есть время до утра, чтобы вспомнить, кто ты на самом деле и что делала в моей кладовой. После этого... - он не договорил, но по его тону мне стало совершенно ясно, что «после» ничего хорошего меня не ждёт.

Глава 3. Игра в правду, которую невозможно произнести

Дверь закрылась, оставив меня наедине с гнетущей тишиной. Я прислонился лбом к холодному камню стены, пытаясь заглушить оглушительный гул в ушах — отголосок той аномалии, что исходила от нее. Воздух в коридоре пахнет старым камнем и воском — знакомый, успокаивающий аромат, но сегодня он не помогал.

— Москва. Пекарь. Подвал.

Каждое ее слово отзывалось в моем даре ослепительной вспышкой, словно кто-то бил в колокол прямо у меня в черепе. Чистейшая, неразбавленная правда. Но это была невозможная истина, абсурдная, как рассвет на западе.

Я сжал кулаки, чувствуя, как напряглись мышцы спины и плеч. Она либо гениальная актриса, либо... Нет. Магия не ошибается. Или ошибается? Впервые за двадцать лет использования дара я усомнился в нем.

Я распахнул дверь и снова вошел в комнату.

Она не двигалась, все также сидела, сторбившись, и в свете факела я впервые разглядел ее. Даже под слоем муки, сквозь размазанные слезы и грязь, проступали черты... интересные. Прямой нос, упрямый подбородок, темные волосы, выбивающиеся из беспорядочной косы. И глаза — огромные, цвета весеннего леса, полные сейчас животного страха. В своем нелепом одеянии, испачканная мукой, она выглядела одновременно жалко и... вызывающе естественно. Как дикий зверёк, случайно забредший во дворец. А еще она была красива в какой-то своей естественной красоте.

— Повтори. Твой город, — я почувствовал, как сжимаются мышцы живота в ожидании удара.

— Москва, - вновь повторила она, и мне показалось, что это прозвучало агрессивно.

Внутри все сжалось.

Снова эта ослепительная вспышка, от которой на мгновение потемнело в глазах. Правда. Явная, как солнечный день. Но это был день в мире, которого не существовало. Я чувствовал легкую тошноту.

— Твоё занятие, чужачка.

— Я... я пекарь, - заикаясь произнесла она, - владелица пекарни “Уют”.

И снова — удар.

Правда. Все та же оглушительная, ослепительная правда. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, и я видел, как дрожит ее нижняя губа. Искренняя дрожь. Искренние слезы. От этого становилось только хуже.

— И ты утверждаешь, что попала сюда через подвал?

— Да! Через подвал моей пекарни! Я упала и оказалась здесь! - надрывно произнесла она, и губы ее сжались в немой злобе.

Третий удар. Третья вспышка.

Я откинулся на спинку стула, чувствуя, как кровь отливает от лица. Что это за колдовство? Как она это делает? Ее простота была утонченной формой издевательства. В ее словах не было ни капли вранья — только чистейшая, невозможная правда, которая ранила сильнее любой лжи.

— Любопытно, - мой голос прозвучал чуть хрипло. - Ты либо величайшая невежда, с которой я сталкивался в своей жизни, либо... величайшая обманщица.

Ее последующие мольбы били по моим чувствам, как молотом.

Правда. Правда. Правда.

Каждое ее слово было очередным гвоздем в гроб моей уверенности.

– Значит, вы верите мне?

Ее лицо озарила наивная, детская надежда. И в этот миг, с мукой на щеках и спутанными волосами, она показалась мне... прекрасной. Опасно прекрасной. Как ядовитый цветок.

– Напротив. Это значит лишь одно: твоя маскировка, чужачка, совершенна.

Я говорил это больше для себя, чем для нее. Пытался найти логику там, где ее не было. Единственное объяснение – ее магия сильнее моей. Настолько сильнее, что может заставить меня видеть мираж. – Ты сильная магиня и шпионка. В какой академии тебя обучали, отвечай!

– Я... я не знаю, о чем вы. У меня нет никакой магии. Я просто умею печь хлеб.

И снова – тот же ослепительный свет. Правда. От которой сводило зубы. Эта фраза «просто печь хлеб» прозвучала как насмешка. Я резко встал, отодвинув стул. Решение созрело мгновенно.

– Просто печь хлеб, – повторил я, и в голосе прозвучала сталь. – Очень хорошо.

Я распахнул дверь и крикнул так, что девчонка вздрогнула.

– Капитан Деверо!

– Отведи её в гостевые покои в моём крыле. Поставь у дверей двойную охрану. Она не должна покидать комнату. И, капитан... Никто не должен с ней разговаривать. Ты понял меня? Никто.

Когда ее вывели из комнаты, я наблюдал, как она идет по коридору – маленькая, перемазанная в муке, но с неожиданно прямой спиной. Ее хрупкая фигура казалась такой беззащитной на фоне моих стражников, но я-то знал. Знал и понимал, какая буря скрывается за этой внешностью.

Когда дверь в ее комнату закрылась, я остался в коридоре один. Поднес руку к глазам – пальцы слегка дрожали. Эта... пекарша... одним своим присутствием поставила под сомнение все, на чем держалась моя власть. Мой дар. Мою способность отличать правду ото лжи.

Она была опаснее вооруженного до зубов убийцы. Потому что убийцу можно остановить. А как остановить правду, которой не может быть? Как защититься оттого, что бьет в самую суть твоего существа?

Я сжал кулаки, чувствуя, как холодная ярость смешивается с чем-то другим... С интересом. С азартом охотника, нашедшего достойную добычу.

– Завтра. Все будет завтра. Она расскажет мне всю правду, или я не лорд Каэлан Валь'Дар.

Визуализация

Добро пожаловать в новую историю любви, магии и пирожков!
Позвольте познакомить вас с нашей героиней Элис Орлова
А теперь, наш принц Теней - Лорд Каэлан Валь'Дар

Глава 4. Чужая реальность

Дверь захлопнулась с тяжелым, окончательным звуком, будто гробовая крышка захлопывается над моей прежней жизнью. Ноги подкосились, и я медленно сползла по резной дубовой двери на пол, не в силах сдержать рыдания. Они подступали комок к горлу – горькие, бесильные, выворачивающие душу наизнанку. Я плакала о своем крошечном мире, оставшемся где-то там, за гранью реальности. О теплой печи, о запахе свежего хлеба, о простой, понятной жизни, где самое страшное – это пьяный крик за дверью. Теперь мой мир сузился до холодных камней и чужих глаз, видящих во мне врага.

Другой мир.

Магия.

Принц, который видит в тебе шпионку только потому, что твоя правда для него — ложь. Как жить с этим? Как дышать, когда каждый твой вздох кажется им преступлением? Я чувствовала себя зверем в клетке, которого тычут палкой за то, что он дышит не так, смотрит не туда.

Я уткнулась лицом в колени, сжимая виски пальцами. Голова раскалывалась от пережитого ужаса и полного крушения картины мира.

«Москва... Пекарня "Уют"... Паша...»

Эти слова казались теперь эхом из другого измерения, сказкой, которую я рассказывала сама себе. А здесь – холодные камни, чужие запахи (пыль, воск, какое-то незнакомое дерево) и осознание полнейшей, абсолютной потерянности. Я была песчинкой, занесенной ураганом в чужие владения, и теперь меня пытались стряхнуть как назойливую мошку.

Я не знала, сколько просидела так, пока рыдания не сменились пустой, гнетущей апатией. Слезы высохли, оставив после себя лишь горький привкус безнадежности. Подняв голову, я осмотрела свою тюрьму.

Комната и правда была роскошной: высокий потолок с фресками, изображавшими какие-то военные сцены, огромная кровать с шелковым балдахинном цвета спелой вишни, массивный туалетный столик из темного дерева.

На столе стоял серебряный кувшин с водой и лежала сложенная одежда – простое, но качественное платье из серой шерсти. Жест, полный цинизма: «Мы тебя содержать будем хорошо, прежде чем казнить».

Эта мысль заставила меня содрогнуться.

Окна были забраны ажурными, но несомненно прочными решетками. За ними – чужая ночь и чужие звезды. От этой мысли стало еще страшнее. Даже небо здесь было другим. Чужим. Враждебным.

Я попила воду из кувшина – холодная, чистая, с легким привкусом кремния. Потом, движимая инстинктом самосохранения, скинула свою грязную, пропахшую мукой и страхом одежду и натянула платье. Оно оказалось чуть великовато, пахло травами – полынью и мятой. Хотя бы это было нормально. Хотя бы запах напоминал о земле, а не о камне и пыли.

Погасив свечу, я забралась на кровать. Постель была мягкой, матрас – упругим, но я лежала, как на иголках, вслушиваясь в каждый шорох за дверью. Размеренные шаги охраны. Приглушенные голоса. Чей-то далекий плач.

Этот мир жил своей жизнью, чужой и непонятной, и я была в нем нежеланным гостем, ошибкой, которую нужно исправить.

Сон накатывал урывками, полный кошмаров: лицо Павла сливалось с холодным профилем принца Каэлана, я бежала по бесконечным коридорам, а сзади нарастал гул – тот самый, от которого сходил с ума его магический дар...

Я просыпалась в холодном поту, сердце колотилось, словно пытаюсь вырваться из груди. И снова засыпала, и снова видела его глаза – холодные, пронзительные, видящие меня насквозь и не видящие ничего, кроме лжи.

Свет за решетчатым окном только-только начал сереть, когда дверь распахнулась.

Я вскочила на кровати, сердце заколотилось в панике, отдаваясь в висках глухими ударами. В дверном проеме, залитый утренним светом из коридора, стоял он.

Принц Каэлан.

Он был без плаща, в простом, но безупречно сидящем черном дублете. Его темные волосы были слегка растрепаны, будто он провел бессонную ночь, а на скулах лежала тень щетины. Но глаза... Глаза были все теми же – пронзительными, серыми и абсолютно ясными. В них не было и тени усталости, лишь холодная, отточенная решимость. Он смотрел на меня как на задачу, которую нужно решить. Как на препятствие, которое нужно устранить.

Он вошел без стука, без разрешения, как хозяин, который вправе появляться где угодно и когда угодно. Его вторжение в мое личное пространство, даже если это пространство было тюрьмой, ощущалось как нарушение всех границ. Дверь закрылась за его спиной, оставив нас наедине. Воздух в комнате стал густым и тяжелым, словно перед грозой.

– Вставай, - его голос прозвучал тихо, но в тишине комнаты он показался громоподобным. – Мы не закончили вчера.

Я отшатнулась к изголовью кровати, сжимая в пальцах одеяло, словно оно могло защитить меня от этого человека. Ужас снова сковал горло, перекрывая дыхание. Он казался еще более опасным, чем вчера – более собранным, более целеустремленным. И его внезапное появление на рассвете, когда защитные барьеры психики наиболее тонки, было продуманным ударом. Он знал, что делает.

– Я... я всё вчера сказала, – прошептала я, ненавидя дрожь в своем голосе, эту слабость, которую он наверняка заметил и занес в свой мысленный протокол.

Он медленно подошел к кровати, его взгляд скользнул по мне – с ног до головы, оценивающе, заставляя почувствовать себя абсолютно незащитной, голой и уязвимой. В его взгляде не было ни капли человеческого тепла, лишь холодный анализ.

– Нет, - он покачал головой, и в уголке его губ дрогнула тень чего-то, что можно было принять за усмешку. - Ты ничего не сказала. Ты произнесла набор слов, которые для меня не имеют смысла. Сегодня ты будешь говорить иначе.

Он взял со стула у туалетного столика мое вчерашнее платье, мятое и все еще в муке, и бросил его мне на кровать. Жест был унижительным, будто он бросал кость собаке.

– Оденься. Ты покажешь мне, откуда ты пришла.

Я уставилась на него, не веря своим ушам. Неужели он и правда поверил? Или это новая уловка, способ заставить меня надеяться, чтобы потом больнее было падать?

– Вы... вы отпустите меня?

– Я посмотрю, - холодно ответил он. - Если твоя «пекарня» действительно существует, возможно, я пересмотрю свое мнение. Если нет... - Он не договорил, но по тому, как сузились его глаза, стало ясно - конец будет быстрым и безжалостным.

На мгновение во мне вспыхнула надежда. Может быть... Может быть, портал еще работает? Может быть, я смогу вернуться? К своей жизни, к своей пекарне, к своим страхам, которые теперь казались такими мелкими и незначительными по сравнению с тем, что ждало меня здесь. Эта надежда была сладким ядом, отравляющим разум.

Я схватила свое старое платье и, отгородившись от него спиной, быстро переоделась. Ткань все еще пахла домом – мукой, дрожжами, едва уловимым ароматом ванили. Этот зна-

комый, родной запах вызвал такую острую тоску, что в глазах снова выступили слезы. Я сглотнула их, сжимая зубы. Я не дам ему увидеть мои слезы. Не дам ему этого удовольствия.

– Я готова, - сказала я, поворачиваясь к нему, стараясь вложить в голос как можно больше твердости.

Он окинул меня беглым взглядом, оценивая мой вид – снова заляпанную мукой, испуганную, но, видимо, достаточно презентабельную для выхода. Затем кивком показал на дверь.

– Веди. И помни – один неверный шаг, одна попытка сбежать, и наши эксперименты закончатся. Быстро и окончательно.

Глава 5. Каменные объятия

Глава 5. Каменные объятия

Я кивнула, сжимая руки в кулаки, чтобы они не дрожали. Это был шанс. Единственный. И я должна была им воспользоваться, даже если за мной по пятам шел сам Принц Теней, чье присутствие ощущалось за спиной как прикосновение лезвия.

Мы шли по бесконечным коридорам замка. Утро окрашивало каменные стены в холодные серо-голубые тона.

Стражники замирали при моем появлении, вытягиваясь по стойке "смирно". Их взгляды, полные любопытства и неприязни, словно прожигали мою спину. Я шла, не поднимая глаз, ощущая, как на мне горит это нелепое, помятое платье. Я резко выделялась на фоне холодного величия вокруг.

Каэлан не произносил ни слова.

Только его шаги, мерные и твердые, отдавались эхом в тишине. Он вел меня тем же путем, которым меня вчера привели – вниз по витой лестнице, через огромный зал с гобеленами, пока мы не оказались у знакомой тяжелой двери в кладовую.

Он отпер ее своим ключом и отступил, пропуская меня вперед.

– Ну? – произнес он. – Показывай.

Сердце у меня ушло в пятки. Кладовая выглядела точно так же, как и вчера: стеллажи, бочки, мешки. И та самая гора муки, мягко осевшая посреди помещения, как немой свидетель моего позора. Но того, черного провала в полу, той двери в мой мир... не было.

– Здесь, – прошептала я, подходя к тому месту, где упала. – Я упала прямо сюда.

Я опустилась на колени, отчаянно проводя ладонями по холодным, гладким каменным плитам. Они были монолитными, без единой щели. Ни люка, ни щели, ни западни, ни малейшего намека на портал.

– Он должен быть здесь! – голос мой сорвался, в нем зазвучала паника. – Я же упала! Сверху!

Я подняла голову, вглядываясь в высокий, темный потолок. Там тоже не было ничего – только балки и пыль.

Каэлан наблюдал за моими метаниями со спокойствием хищника. В его глазах было не разочарование, а... удовлетворение. Словно он получил подтверждение своей правоты. Уголок рта чуть приподнялся в усмешке, и это было... невероятно страшно и ужасно стыдно.

– Очень убедительно, – произнес он наконец, и в его голосе прозвучала ледяная насмешка. – Ты упала с потолка. Сквозь камень. Безусловно, это объясняет все.

– Но это правда! – в отчаянии вскрикнула я, поднимаясь на ноги. Голова закружилась от резкого движения, от бессилия, от страха. Мир поплыл перед глазами, ноги подкосились, и я пошатнулась, рискуя рухнуть обратно в ту самую мучную кучу.

Но падения не последовало.

Вместо этого железная хватка обхватила мою талию, резко и уверенно подхватив меня. Я на мгновение прижалась к чему-то твердому и теплему. К его груди. К груди принца Каэлана.

Я замерла, застигнутая врасплох. Его рука все еще сжимала мой бок, пальцы впивались в ткань платья. От него пахло холодным металлом, кожей и чем-то древесным, пряным.

Этот запах ударил в голову, странным образом переплетаясь с запахом муки от моего платья.

Я почувствовала тепло его тела сквозь тонкую шерсть моего платья и жесткую ткань его дублета. Оно было обжигающе реальным в этом мире иллюзий и магии.

Я подняла на него глаза.

Его лицо было совсем близко. Те самые серые глаза, обычно холодные как лед, сейчас смотрели на меня с незнакомым выражением – не гнева, не подозрения, а... острого, пристального интереса. В них мелькнула искра чего-то, что можно было принять за удивление.

Будто и он сам был ошеломлен этой внезапной близостью.

Казалось, время остановилось и даже пылинки от луча света, что залетел сюда с улицы, замерли, словно наблюдая за нами.

В тихой кладовой было слышно только мое прерывистое дыхание и его, такое же ровное и спокойное, как и всегда. Я чувствовала каждый его палец на своем боку, каждое биение своего безумного сердца, которое теперь стучало не только от страха.

Он первый нарушил этот странный момент.

Его рука разжалась, и он отступил на шаг, восстанавливая дистанцию. Но его взгляд все еще был прикован ко мне, изучающий и тяжелый.

– Осторожнее, – произнес он, и его голос прозвучал чуть глубже, чем обычно. – Твои трюки с падениями начинают меня утомлять.

Я отпрянула, чувствуя, как по щекам разливается краска. Стыд, злость и это дурацкое, предательское тепло в том месте, где он только что держал меня, смешались в один клубок.

– Это не трюк! – выдохнула я, отчаянно пытаюсь вернуть себе хоть каплю достоинства. – Портал должен быть здесь! Он просто... закрылся.

– Разумеется, – он кивнул с преувеличенной серьезностью. – Но ты меня не убедила, Элис.

Он повернулся и сделал несколько шагов к двери, затем остановился и оглянулся на меня. Его лицо снова стало холодной, непроницаемой маской.

– Надеюсь, ты понимаешь, что эта комедия только ухудшила твоё положение, – сказал он безразличным тоном. – Ты не только шпионка, но и плохая актриса. – Он повернулся в сторону коридора, а затем крикнул, – капитан!

Дверь распахнулась, и в кладовую вошел стражник.

– Ваша Светлость.

– Отведи ее обратно в покои, – приказал Каэлан, не глядя на меня. – И удвой охрану.

– Принц, пожалуйста, поверьте мне, – попыталась я снова, но он даже не смотрел на меня. Меня снова повели.

На этот раз я почти не сопротивлялась. Поражение было полным и безоговорочным. Портал исчез. Надежды на возвращение не осталось.

А в памяти, вопреки всему, ярче всего горело воспоминание о его руке на моей талии и его удивленном взгляде. Это было хуже любого оскорбления. Потому что это было человечно.

А в этом бесчеловечном мире такая малость могла свести с ума.

Глава 6. Пекарня в заточении

Вернувшись в свою комнату-тюрьму, я рухнула на кровать, не в силах сдержать отчаяние. Все было кончено. Портал исчез. Я навсегда застряла в этом мире, где меня считали шпионкой и где мое единственное умение – печь хлеб – было никому не нужно.

Часы тянулись мучительно медленно. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь решетку окна, медленно полз по стене, отмечая время до неминуемой расправы. Желудок сводило от голода – я не ела с того момента, как оказалась здесь. Вчерашний ужин в своей пекарне казался теперь несбыточной мечтой.

Когда дверь снова открылась, я даже не пошевелилась. Что бы это ни было – казнь, новые допросы – мне было уже все равно.

В дверном проеме стоял принц Каэлан. На этот раз он выглядел более официально – в темном камзоле с серебряными застежками, волосы убраны назад. Но на его лице я увидела новое выражение – не холодную ярость, а скорее... деловую расчетливость.

– Вставай, - сказал он без предисловий. - Ты просила еды.

Я медленно поднялась с кровати, смотря на него с опаской. Что это за новая игра?

– Повар замка заболел какой-то неизвестной хворью, - продолжил он, его взгляд скользнул по моей замученной фигуре. – На кухне творится настоящий бардак. Ты утверждала, что у тебя есть своя пекарня в каком-то... – он сделал небольшую паузу, - королевстве под названием Москва.

Я кивнула, не понимая, к чему он ведет.

– Так вот, - он скрестил руки на груди. - Если ты действительно умеешь печь хлеб, а не только рассказывать сказки о падениях с потолка - сейчас твой шанс это доказать. И заодно накормить себя.

Мое сердце забилось чаще.

Это был не шанс сбежать – я понимала, что под усиленной охраной это невозможно. Но это был шанс сделать что-то знакомое, вернуться к тому, что я умела и любила. Пусть даже в тюрьме.

– Я... я могу попробовать, - осторожно сказала я.

– Прекрасно, - в его глазах мелькнула та же искра, что и в кладовой - интерес хищника к необычной добыче. - Капитан проводит тебя на кухню. Помни – любая попытка что-либо испортить или сбежать...

– Закончится быстро и окончательно, - закончила я за него, встречая его взгляд. - Я поняла, мой принц, - улыбнулась и опустила взгляд.

Кухня замка оказалась огромным помещением с высокими сводчатыми потолками. Здесь царил настоящий хаос – несколько растерянных помощников металась между столами, на которых лежали необработанные продукты. В воздухе витал запах несвежего мяса и подгоревшего соуса. Видно было, что без главного повара кухня не справлялась.

– Его Светлость распорядился предоставить вам все необходимое, – сказал капитан, указывая на угол с мукой и зерном. - Но под нашим наблюдением.

Я кивнула, уже осматриваясь вокруг.

Мои пальцы сами потянулись к мешку с мукой – привычное движение, которое я делала тысячи раз. Я насыпала немного муки на стол, растерла между пальцами. Качество было... неплохим. Не таким, к какому я привыкла, но работать можно.

– Мне понадобится вода, соль, закваска... – я осеклась, поняв, что в этом мире вряд ли есть привычные мне дрожжи. – Э-э... то, что делает тесто воздушным.

Один из помощников подал мне глиняную кружку с густой, пахнущей кислотой, закваской. Я понюхала – да, похоже на то, что нужно.

И тогда во мне что-то щелкнуло.

Страх, отчаяние, неуверенность – все это отошло на второй план. Передо мной была задача – испечь вкусный хлеб. А это я умела делать лучше всего на свете.

Я закатала рукава своего серого платья – того самого, в котором пришла в этот мир, – и принялась за работу.

Просеивала муку, замешивала тесто, чувствуя, как знакомые движения успокаивают мои нервы. Это было как медитация – ритмичные, отработанные движения, запах муки, упругое тесто под пальцами.

Я не заметила, как прошло время. Я пекла простой деревенский хлеб – такой, какой всегда выручал меня в трудные времена. В него я вложила всю свою тоску по дому, всю надежду на то, что хоть что-то в этом мире может быть нормальным и понятным.

Когда я вынимала первый каравай из печи, по кухне разнесся аромат, от которого у меня самой засосало под ложечкой.

Это был запах дома.

Запах тепла и уюта.

Запах, который не мог измениться, даже если ты оказался в другом мире.

Помощники за кухней затихли, с любопытством поглядывая на золотистую хрустящую корочку.

Даже стражники у входа проявляли явный интерес. Их глаза горели голодным блеском, а губы беспрестанно сжимались и разжимались, будто рот был наполнен слюной.

И именно в этот момент в кухню вошел принц Каэлан.

Он остановился на пороге, его взгляд перешел от меня, стоящей у печи с покрасневшим от жара лицом и испачканной в муке одеждой, к золотистым караваем на столе.

– Что это? – спросил он, и в его голосе не было привычной насмешки.

– Хлеб, Ваша Светлость, – тихо ответила я. – Простой деревенский хлеб.

Он подошел ближе, его взгляд изучал караваи с тем же пристальным вниманием, с каким он изучал меня.

– От него... пахнет, – произнес он наконец, и это прозвучало так, будто он сделал важное открытие.

– Так и должно быть, – сказала я. – Хлеб всегда пахнет домом.

Он медленно протянул руку, отломил кусок от еще горячего карава. Его пальцы обожгло, но он не отдернул руку. Поднес к лицу небольшой ломоть, вдохнул аромат. Закрыв глаза и только после этого откусил.

Я замерла, наблюдая за ним.

Он жевал медленно, вдумчиво, его лицо оставалось невозмутимым. А когда он открыл глаза, я заметила, что в его взгляде что-то изменилось – та же искорка удивления, что была в кладовой, только теперь ярче.

– Интересно, – произнес он наконец, опуская руку. – Очень... интересно.

Он повернулся ко мне, и его взгляд был уже другим – не как к шпионке, а как к чему-то странному, необъяснимому, но... потенциально полезному.

– Кажется, ты действительно умеешь печь хлеб, Элис Орлова из Москвы, – сказал он. – Возможно, твои навыки могут пригодиться.

– Я поняла, ваша Светлость, – ответила я мягко и потянулась за хлебом. В этот момент принц сделал то же самое, и наши пальцы снова соприкоснулись. Нас словно ударило током, и я отдернула руку ахнув. Принц прищурился и с интересом посмотрел на меня.

– Твой хлеб действительно вкусный, – сказал он с улыбкой. – Невозможно остановиться, пока не съешь его весь. – Впервые я увидела его таким счастливым. – Но это не меняет того, что ты все еще под стражей.

Глава 7. Вкус дома в мире чуде

Тепло от печи разливалось по всей кухне, смешиваясь с ароматом свежего хлеба. Я стояла, все еще чувствуя легкое жжение на кончиках пальцев – то ли от горячего хлеба, то ли от мимолетного прикосновения Каэлана. Его улыбка, такая неожиданная и искренняя, застряла у меня в памяти, как заноза.

– Невозможно остановиться, пока не съешь его весь, – сказал он. И в этот момент выглядел не всемогущим принцем, а просто человеком, который оценил хорошую еду.

– Ты останешься на кухне, – его голос вернул меня к реальности. Он снова стал официальным, но без прежней ледяной резкости. – Под наблюдением. Но... ты можешь пользоваться всем необходимым.

Он кивнул капитану стражников и вышел, оставив после себя легкий шлейф своего древесно-пряного аромата, смешавшийся с запахом хлеба.

Стражники остались у входа, но их позы стали менее напряженными. А поварята, которые до этого робко жались по углам, теперь с любопытством рассматривали меня.

Один из них, рыжеволосый паренек лет четырнадцати, осмелел первым.

– Это правда ты испекла? – спросил он, указывая на оставшийся каравай. – Без магии?

Я улыбнулась мальчонке. В его искрящихся глазах читался неподдельный интерес, и, глядя на меня, он улыбался щербатой улыбкой.

– Конечно, без магии, – подтвердила я. – Только мука, вода, соль и закваска.

– Но... он пахнет как-то по-особенному, – вступила в разговор девушка постарше, с заплетенными в сложную косу волосами. – Не так, как наш обычный хлеб, – чуть сморщилась она. – Он жесткий и пахнет... а твой нет.

Я отломилла еще кусок от карава и протянула им.

– Попробуйте.

Они с жадностью набросились на угощение, и по их лицам я поняла – хлеб удался.

– Меня зовут Лира, – сказала девушка с косой, с набитым ртом. – А это Томми. – Она кивнула на рыжего паренька.

Так началось мое знакомство с местной кухней. Лира оказалась дочерью заболевшего повара и с гордостью показала мне кладовые. Томми был подмастерьем и с энтузиазмом таскал для меня мешки с мукой.

Я с увлечением изучала местные продукты. Мука здесь была более грубой, с ярко выраженным зерновым ароматом. Закваска отличалась повышенной кислотностью и активностью.

Но были и совершенно незнакомые продукты: синие корнеплоды, пахнущие корицей, странные орехи с фиолетовой скорлупой, сушеные ягоды, от которых слегка щипало язык. Удивительно, но мне нравилось.

– А это что? – я указала на мешок с мелкой серовой крупой.

– Это зерно тенистых долин, – объяснила Лира. – Его добавляют в хлеб для путешественников – говорят, он придает сил.

Я задумалась.

В моем мире не было «зерна тенистых долин», но были другие злаки, другие сочетания. Может, я могла бы...

– Можно я попробую что-нибудь испечь? – осторожно спросила я. – Используя ваши ингредиенты?

Лира и Томми переглянулись, потом кивнули.

– Только... – Лира понизила голос и посмотрела по сторонам, – не используй магию. Его Светлость не любит, когда на кухне колдуют.

Я сдержала улыбку.

Если бы они только знали, что в моем мире магия существовала только в сказках. Да и пользоваться тем, чего нет, я не умела.

Я провела весь день на кухне, забыв о том, что нахожусь в плену.

Я месила тесто, экспериментировала с местными специями, пробовала сочетать незнакомые вкусы. Поварята с интересом наблюдали за мной, иногда робко предлагая свои советы.

К вечеру на столе стояли несколько новых видов хлеба: один с теми самыми сушеными ягодами, другой с орехами, третий – с добавлением зерна из тенистых долин.

Я уже собиралась попробовать первый каравай, когда в кухню снова вошел принц Каэлан. На этот раз он был один.

Его взгляд скользнул по столу, уставленному хлебом, потом перешел на мое перепачканное мукой лицо.

– Ты все еще здесь, - произнес он. В его голосе не было ни раздражения, ни одобрения - просто констатация факта.

– Я... экспериментировала, - сказала я, чувствуя, как краснею. - С ингредиентами, которые нашла на этой кухне.

Он подошел к столу, внимательно рассмотрел каждый каравай.

– И с чем это? - он указал на хлеб с ягодами.

– С сушеными ягодами огненного куста, Ваша Светлость, - поспешно ответила моя помощница Лира.

Каэлан отломил кусок, попробовал. Его брови чуть приподнялись, а глаза расширились.

– Остро, - заметил он и хмыкнул. - Неожиданно, да.

Он попробовал хлеб с орехами, потом с зерном. Каждый раз его лицо чуть менялось, но оставалось невозмутимым, но в глазах я читала тот же интерес, что и утром.

– Ты используешь странные сочетания, - сказал он наконец, глядя на меня. – Никто здесь так не печет.

– В моем... в Москве мы часто экспериментируем, - осторожно ответила я.

Он кивнул, его взгляд задержался на моих руках, все еще белых от муки.

– Завтра, - произнес он после паузы, - ты можешь вернуться на кухню. Под наблюдением.

Он повернулся к выходу, но на пороге остановился.

– И... вымойся, – добавил он через плечо. - Ты вся в муке.

Когда дверь закрылась за ним, я глубоко вздохнула. В его словах не было ни капли тепла, но и не было прежней враждебности. Я была для него загадкой – странной девушкой из несуществующего мира, которая умела печь необычный хлеб.

Лира тихо хихикнула.

– Он сказал «можешь вернуться», - прошептала она. - Обычно он так не говорит. Обычно он приказывает.

Я улыбнулась, глядя на закрытую дверь. Возможно, в этом мире, полном магии и опасностей, у меня все же был шанс. И этот шанс начинался с простого умения печь хлеб, который пах домом – даже если этот дом был в другом мире.

Глава 8. Сделка с Принцем Теней

Дни, проведенные на кухне замка, превратились в однообразную рутину. Каждое утро меня под охраной приводили туда, а вечером также аккуратно отводили обратно в мои роскошные покои.

Но что-то изменилось. Стражники у дверей уже не смотрели на меня с прежней подозрительностью, а Лира и Томми стали моими верными помощниками и, как я осмеливалась надеяться, друзьями.

В один из дней я пекла хлеб. Шум и гам не стихали. Вдруг я услышала кое-что, что заставило меня замереть и прислушаться. Мои помощники с остальными поварами и прислугой о чем-то шептались.

– ...именно поэтому Большая Ярмарка – это шанс для нас заполучить лучших мастеров, - говорил седовласый мужчина в черном камзоле.

– Королевское покровительство откроет перед победителями огромные возможности, - подхватила его соседка. - Но конкуренция будет жестокой, особенно в этом году.

– А кто может участвовать? - спросила Лира.

– Да кто угодно, - крикнул ее отец, который выздоровел и чувствовал себя неплохо. Но я все же продолжала ему помогать печь хлеб и готовить.

Сердце у меня заколотилось.

Большая Ярмарка? Покровительство короны? Это звучало как возможность. Как спасательный круг.

Всю ночь я не сомкнула глаз, обдумывая услышанное. Идея зрела в моей голове, обрастая деталями, становясь все более безумной и все более единственно возможной.

На следующее утро я попросила капитана передать принцу Каэлану, что мне необходимо с ним поговорить. К моему удивлению, меня провели в его кабинет уже через час.

Кабинет принца Теней был таким же, как и он сам: строгим, функциональным и безупречным. Ничего лишнего, только книги, карты и письменный стол из темного дерева. Он сидел за ним, погруженный в изучение какого-то свитка, и поднял на меня взгляд, когда я вошла.

– Ну? – произнес он, откладывая перо. – Надеюсь, это не очередная история о порталах. Я сделала глубокий вдох, собираясь с духом. Это был мой шанс.

– Я слышала о Большой Ярмарке, - начала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. - О том, что победители получают покровительство короны.

Его глаза сузились, но он не прервал меня.

– Вы все еще считаете меня шпионкой, - продолжила я. - И, возможно, никогда не перестанете. Но что, если я могу быть полезной не только на вашей кухне?

Он откинулся на спинке кресла, сложив пальцы домиком. Его взгляд был тяжелым и изучающим.

– Продолжай.

– Отпустите меня в город, - выпалила я не останавливаясь. - Позвольте мне открыть там пекарню. Под вашим наблюдением, разумеется. Я буду вашими... ушами в городе. Люди в хлебных лавках говорят больше, чем придворные в своих салонах. Слухи, сплетни, настроения на улицах... Вы получите информацию, которую не добудет ни один ваш шпион. Ну как вам?

В кабинете воцарилась тишина. Каэлан не двигался, его лицо было каменной маской. Я чувствовала, как ладони становятся влажными, а сердце готово выпрыгнуть из груди.

– И что я получу взамен? – наконец произнес он. - Кроме потенциальной информации от булочницы, которая может в любой момент сбежать?

– Вы получите доказательство, - тихо сказала я, сдерживаясь, чтобы не обидиться. — Если я шпионка, я либо сбегу при первой же возможности, либо выйду на связь со своими хозяевами. И вы поймаете меня с поличным. А если я та, за кого себя выдаю... – я сделала паузу, - ...тогда вы получите верного человека в городе. И, возможно, лучшую пекарню в королевстве.

– Он медленно встал из-за стола и подошел к окну, глядя на раскинувшийся внизу город. Его профиль был резким и задумчивым.

– Ты просишь доверия, которого не заслужила, - произнес он не поворачиваясь.

– Я прошу шанса его заслужить, мой принц, - ответила я. - И я хочу участвовать в Ярмарке. Испечь каравай, который запомнится всем. Если я выиграю королевское покровительство... это снимет с вас часть ответственности за меня, не так ли?

Он обернулся. Его серые глаза метали молнии.

– Это либо гениальный план, либо невероятно глупый, - сказал он. - Ты понимаешь, что любая попытка бегства будет расценена как измена? И что за тобой будут постоянно следить?

– Я понимаю, - кивнула я, чувствуя, как по спине бегут мурашки. - И я готова принять эти условия.

Он долго смотрел на меня, словно пытаюсь разгадать мои истинные намерения. Потом медленно кивнул.

– Хорошо, - произнес он, и в его голосе прозвучала стальная решимость. - Но помни, Элис Орлова: это твой последний шанс. Ты получишь небольшую сумму на обустройство и помещение в городе. Но за тобой будут присматривать мои люди. Каждый твой шаг будет мне известен. Один неверный поступок, одна подозрительная связь... – он не договорил, но я все поняла.

– Спасибо, Ваша Светлость, - прошептала я, чувствуя, как ноги подкашиваются от смеси страха и облегчения.

– Не благодари, - холодно ответил он. - Это не акт милосердия, а стратегическое решение. Докажи, что ты стоишь этого.

Когда я вышла из его кабинета, меня трясло. Я заключила сделку с самим Принцем Теней. Я продала свою свободу в обмен на призрачный шанс на новую жизнь.

Но впервые с того дня, как я упала в этот мир, у меня появилась цель. И эта цель пахла свежим хлебом и надеждой.

Глава 9. «Золотая закваска»

Капитан Деверо, суровый мужчина со шрамом через бровь, оказался молчаливым, но не злобным спутником. Именно он на удивление скоро подобрал подходящее помещение в одном из спокойных районов столицы, не самом богатом, но и не бедствующем.

Дом был старым, но крепким, с низкими потолками и массивной дверью, выкрашенной когда-то в синий цвет, теперь облупившимся и потрескавшимся. Но главное — к нему примыкала просторная пекарня с огромной дровяной печью (вот этому я обрадовалась больше всего), каменной столешницей и даже небольшим подвалом для хранения запасов.

Я сразу поняла, что помещение давно не использовалось. Повсюду лежала пыль, паутина свисала с углов, а в печи завелась семья мышей, с писком разбежавшаяся при нашем появлении. Но сквозь запустение я разглядела уют.

Солнечный свет, пусть и скудный, пробивался сквозь запыленное окно, освещая комнатушку. Здесь пахло старым деревом, холодным камнем и... возможностями.

— Вот, - капитан коротко бросил, переступая порог. - Его Светлость оплатил первый месяц. Остальное – на вас.

Он вручил мне небольшой, но увесистый кошель. Золотые и серебряные монеты звенели обещанием. Я сжала его в руке, чувствуя их холодную тяжесть. Это была не просто плата – это была отсрочка. Возможность доказать свою ценность перед принцем.

Капитан остался у входа, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди. Его взгляд был бдительным, но не враждебным. Он наблюдал, как я, скинув плащ, принялась за работу.

– Вы не хотите мне помочь? - с надеждой спросила я.

Капитан ухмыльнулся и покачал головой.

– Я уже помогаю тем, что не мешаю тебе. Работай, деточка, не отвлекайся.

Я улыбнулась и, набрав в грудь побольше воздуха, принялась за работу.

Первым делом я распахнула ставни, впуская в помещение свежий воздух и свет. Потом нашла метлу и принялась выметать пыль и паутину. Пыль поднималась столбом, заставляя меня чихать, но с каждым взмахом метлы комната преображалась. Налив воды, я отдраила каменный пол и столешницу, пока они не заблестели. Вымыла окно, и солнечный свет хлынул внутрь, играя на влажном камне.

Капитан молча наблюдал, изредка поправляя меч на поясе. Когда же я попыталась сдвинуть тяжелый мешок с мукой, он подошел ко мне и, недовольно пыхтя все же, помог. Одним движением взвалил его себе на плечо и отнес, куда я указала, не проронив ни слова.

К вечеру пекарня была чистой. Я развела огонь в печи, чтобы просушить ее, и поставила на стол глиняный кувшин с водой, который купила у соседки – добродушной полной женщины, с любопытством наблюдавшей за возрождением старой пекарни.

Наступил вечер.

Капитан Деверо, убедившись, что я устроилась, кивнул и удалился, пообещав вернуться утром. Я осталась одна. Впервые за долгое время одна, без стражников у двери, без решеток на окнах. Пусть ненадолго. Пусть под чужим присмотром. Но одна.

Счастью не было предела. Сердце, казалось, пело и танцевало от радости. Я наконец-то была свободна.

Тишина была оглушительной.

Лишь потрескивание дров в печи и отдаленные звуки города за окном. Я обошла свою новую территорию. Две небольшие комнаты наверху — спальня и крохотная гостиная. Просторная кухня-пекарня внизу. Мое царство. Моя тюрьма. Мой дом.

На следующее утро я проснулась с рассветом.

Первым делом я занялась самым важным – закваской. В чистой глиняной миске я смешала муку и воду, добавив щепотку диких дрожжей, которые собрала на яблонях в маленьком садике позади дома.

Затем я поставила миску в теплое место у печи и стала ждать. Закваска – это душа пекарни. Без нее нет настоящего хлеба.

– Доброе утро, мисс Элис. Это снова я, - услышала голос капитана и обернулась.

– Я очень рада вам, - сказала искренне, потому что так и было, - не хотите присоединиться и отправиться со мной на рынок.

– А что мне остается. Будто у меня есть выбор? - пробурчал капитан и, подтянув живот, осмотрелся. – Здесь стало очень приятно находиться, мисс. Вы настоящая волшебница.

– Думаю, дело не в этом, я просто люблю печь хлеб в месте, где чисто и уютно. Где все под рукой и сердце радуется. В таком случае хлеб получается душистым и очень воздушным, потому что сделан с любовью, - мягко произнесла и улыбнулась капитану. Мужчина вдруг покраснел и кашлянул.

Хм... вот смущать я его явно не собиралась.

Мы вышли из дома и направились в сторону рынка.

Капитан Деверо, как тень, следовал за мной в нескольких шагах, но не вмешивался. Я закупила муку разных сортов, крупную соль, душистые травы, которые росли в здешних полях, и странные местные специи: сушеные ягоды, ароматные коренья, орехи с фиолетовой скорлупой.

Я вдыхала новые запахи, трогала незнакомые продукты, и сердце замирало от волнения. Это был настоящий вызов. Создать что-то свое в чужом мире.

Вернувшись, я обнаружила, что закваска ожила. Она пузырилась и пахла — кисло, живо, настояще. Я замесила первое тесто. Простое, деревенское, с добавлением щепотки местных трав. Ритуал замеса успокоил меня. Знакомые движения, упругое тесто под пальцами, запах муки – все это было моим якорем в этом незнакомом мире.

Когда первый хлеб подрумянился в печи и его аромат разнесся по округе, я почувствовала невероятную гордость. Это был не просто хлеб. Это был мой первый шаг к свободе и к новой жизни.

Я вынесла еще теплый каравай и поставила его на подоконник остывать. Аромат привлек соседей. Сначала пришла та самая полная женщина, представившаяся Мартой. Потом старый сапожник с соседней улицы. Густав.

Я отломил каждому по куску.

– Ба, да это ж как в детстве! - воскликнул старик, с наслаждением жуя. – Настоящий хлеб! Не то, что нынче пекут.

Марта кивнула, ее глаза блестели:

– Добрая ты девка. Пекарню открыла - это хорошо. У нас тут своего пекаря давно не было.

Я улыбалась, глядя на их довольные лица, и краем глаза заметила капитана Деверо. Он стоял в тени деревьев через дорогу, и на его обычно суровом лице играла тень улыбки.

Вечером, когда я запирала пекарню, на пороге появился принц Каэлан. Он пришел без свиты, в простом темном плаще. Его взгляд скользнул по вычищенному помещению, по полкам с аккуратно расставленными припасами, по еще теплой печи.

– Ну что, пекарша? - произнес он. В его голосе не было насмешки, лишь легкая усталость и любопытство. - Как твое новое королевство?

– Пахнет надеждой, ваша Светлость, - ответила я, встречая его взгляд.

– Я рад, что ты осталась довольна. Как назовешь свою пекарню?

– Не знаю, - пожала плечами и посмотрела на каравай и закваску, что стояла на столе, - быть может, “Золотая закваска”?

– Хм, интересно. А почему так?

– В честь той самой закваски, что дала начало новой жизни.

Он кивнул, его глаза на мгновение задержались на моем лице, затем он повернулся и растворился в сумерках. Я закрыла окна, заперла дверь и направилась спать. Завтра меня ждал новый день и новый хлеб. Моя жизнь постепенно налаживалась, но я не оставляла надежды однажды вернуться домой, хоть она с каждым днем и таяла. Но... как говорила моя бабушка... чем чёрт не шутит?

Глава 10. Первые ростки

То утро дышало осенней сыростью. Дождь, начавшийся еще ночью, упрямо барабанил по деревянным ставням, заставляя их мелко подрагивать.

Я разожгла печь, и вскоре в «Золотой закваске» разлилось не просто тепло, а особая, живая атмосфера, свойственная только пекарням. Она шла от раскаленной кирпичной кладки, смешивалось с паром от влажных дров и густым, хлебным духом, поднимающимся от только что поставленных в печь буханок.

Воздух был насыщен ароматами — дымом, мокрым камнем, дрожжами и чем-то неуловимо домашним, уютным.

Я поставила первые караваи на широкий деревянный подоконник. Их румяный пшеничный аромат смешался с прохладным запахом дождя.

Именно тогда, сквозь завесу струящейся воды, я заметила его.

Мальчишку, прижавшегося к стене соседнего дома под узким карнизом, служившим ему жалкой защитой.

Он был насквозь промокшим призраком: худое тело в изношенной куртке, большие, слишком серьезные для его возраста глаза и темные, влажные волосы, прилипшие к лбу. Его поза выдавала не детскую усталость, а настороженность дикого зверька.

Я отворила дверь, и колокольчик над ней звякнул весело и неожиданно громко. Махнула ему рукой.

Он внимательно огляделся. Его умный, проницательный взгляд быстро оценил ситуацию. Затем, осмотрев лужи, он осторожно приблизился, оставляя на мокром тротуаре едва заметные следы босых ног.

— Заходи, согреешься, — мягко сказала я, пропуская его внутрь. — Совсем промок.

Он переступил порог, и с его поношенных башмаков на чистый, только что вымытый каменный пол закапала вода.

Он огляделся с жадным любопытством, впитывая каждую деталь: закрученные в бублики веревки чеснока и лука. Свисающие с балки, груды мешков с мукой, похожие на спящих белых медведей. Глиняные горшки с закваской, расставленные на полках, как драгоценные реликвии.

— Ты та самая... новая пекарша? — голос у него был тихий, но четкий. Взгляд задержался на моих руках, испачканных в муке, словно проверяя, насколько я настоящий пекарь.

— Да. Меня зовут Элис. А тебя?

— Лео, — коротко ответил он. Увидев, что я не прогоняю его, а стою, вытирая руки о фартук, добавил: — Я здесь живу. Вернее, нигде и везде. — Он сказал это просто, без сожаления, как будто это был очевидный факт.

Сирота.

В груди что-то болезненно сжалось. Я отломилла горбушку от еще теплого, душистого каравая, с хрустящей корочкой, и протянула ему.

— На, согрейся.

Он схватил ее с такой стремительной жадностью, что не осталось сомнений — мальчик голодал не первый день. Пока он ел, заглатывая большие куски, я наблюдала за ним. Бледная кожа, выступающие скулы, но в глубине этих огромных глаз горел живой, цепкий ум.

— Спасибо, — пробормотал он, сметая с губ крошки. — Это лучший хлеб. Прямо... самый лучший... какой я пробовал.

— Хочешь зарабатывать на него? — спросила я. Лео насторожился, его тело стало собранным, готовым к бегству. — Мне нужен помощник. Подметать пол, носить дрова из сарая, бегать на рынок за продуктами. Я буду кормить тебя досыта и платить немного медяками.

Он смотрел на меня, и в его взгляде смешались недоверие и такая хрупкая, едва зародившаяся надежда, что стало страшно ее спугнуть.

— Правда?

— Да, но есть одно условие: ты должен мыться. Чистый помощник — это счастливый пекарь, а счастливый пекарь всегда печет самый вкусный хлеб.

Он кивнул так серьезно и обстоятельно, будто мы скрепляли печатью важный государственный договор.

— Я буду, мисс Элис. Я здесь всех знаю. Могу рассказать, кто с кем встречается, кто кому должен, у кого корова отелилась, а у кого крышу прообило.

Я улыбнулась и кивнула.

Так у меня появился не просто помощник, а свой маленький, неофициальный шпион, как, вероятно, и предполагал Каэлан. Только теперь он работал на меня.

Через пару дней, когда дожди утихли и солнце позолотило мостовую, все было готово для официального открытия.

Я повесила на дверь вывеску, вырезанную для меня старым Густавом из дубового полена. Она была простой, но душевной. На ней был изображен пшеничный колосок, согнувшийся под тяжестью зерен и над ними светило солнце.

Лео, вымытый до скрипа, в чистой, хоть и залатанной рубахе и штанах, коротко подстриженный, гордо стоял у входа, выпятив грудь, как часовой.

Первые покупатели стекались с опаской, словно дикие птицы к незнакомой кормушке. В основном это были соседи, уже успевшие оценить мой хлеб.

Марта, размахивая руками, купила целую буханку, приговаривая:

— Мужу на ужин, да и самой попить с чайком. Старый Густав, причмокивая, выбрал себе хрустящую горбушку.

— Для супа, деточка, - пояснил он. - Только такую мягкость и макать.

Но были и другие.

Скептически настроенные горожане, смотревшие на мои эксперименты – булочки с рубиновыми ягодами огненного куста или хлеб с дроблеными фиолетовыми орехами – с откровенным недоверием.

— А это что за заморские штучки? – буркнула одна женщина с лицом, на котором застыло вечное неодобрение, тыча своим пальцем в булочки.

— Это с местными ягодами, – вежливо улыбнулась я. – Попробуйте. Остро, но с приятной кислинкой. Будит душу.

— Незнакомое – значит, черт знает что, – фыркнула она и, отвернувшись, купила обычный каравай, взяв его кончиками пальцев, будто он тоже мог быть заражен моим новым подходом.

Лео, ловко орудуя метлой у входа, наблюдал за этой сценой, как рысь за добычей. Когда женщина ушла, он подскочил ко мне.

— Это Агата, жена кузнеца, – прошептал он, прикрывая рот ладонью. – Она всего нового боится пуще огня. Но если ваш простой хлеб ее мужу понравится, она вернется. И за этим, - он многозначительно кивнул на булочки и подмигнул мне.

К концу дня полки почти опустели.

Мы с Лео сидели за массивным кухонным столом, покрытым вековыми царапинами, и пили травяной чай с мятой и чабрецом, собранными Лео за околицей. Дождь давно кончился, и последние лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь слюдяное окошко.

— Сегодня приходил человек, – сообщил Лео, с важным видом отпивая из глиняной кружки. – От гильдии пекарей. Толстый, в бархатном камзоле. Пах, как парфюмерная лавка. Спрашивал про вас. Сказал, что «новичкам тут не рады и место это не ихнее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.